

1.
Дед Серафим озирался по сторонам, прикладывая ладонь к уху – не идет ли кто? Пока его не было, старый сквер одичал. Лет сто назад сюда кто только не хаживал – студенты спешили на каток, старушки собирали хворост, детишки катали снежных баб. А деду непременно перепадал двугривенный или полтина – человеческая дань за ангельские труды. Оставалось лишь встать под луч здешего фонаря и мысленно попрощаться с подлунным миром до следующего откомандирования.

Дед Серафим вывернул карманы тулупа – последний день Святков на исходе, а монетки никто не подал. Над дедовской головой покачивался старинный фонарь – временами неверный искусственный свет мигал, а то и вовсе гас.

«Глядишь, совсем затухнет, – с ужасом думал дед, – что тогда?»

Через минуту-другую дед Серафим уже был за пределами сквера, на незнакомой извилистой улочке, поджидал припозднившихся прохожих.

Вот застучали по мостовой каблучки – навстречу деду шла девушка. Дед Серафим заглянул в сердце отроковицы ангельским взором – чего там только не было: лица, вещи, адреса...

– Дочка, помоги, подай Христа ради, – взмолился дед Серафим.

Девушка остановилась, неуверенно опустила руку в карман. В кои-то веки выбралась на ночную распродажу, за новыми туфельками. Лишних денег в кармане не было. Дед видел, как в девичьем сердце суетится бесенок. Через мгновение девушка уже спешила прочь, опустив глаза. Из кармана ее куртки высунулся крошечный бесенок и показал деду дулю. Вот черт, соблазнил-таки девицу черевичками!

Дед Серафим вздохнул – если до полуночи человеческую монетку заполучить не удастся, волшебный фонарь погаснет, путь на Небеса закроется до следующих Святков. Придется деду Серафиму коротать год на Земле, мериться силами со всякой нечистью.

От печальных мыслей деда отвлекла чья-то тяжелая поступь: кто-то ступал по мостовой твердо, уверенно. Наконец из-за угла показалась фигура в длиннополном пальто. Фигура кричала что-то в плоскую, с яблочком посерединке пластинку, посматривала на прикрепленный к запястью циферблат. Дед Серафим заглянул в сердце приближающейся фигуры и ахнул – здесь не было ничего, кроме стопок зеленых банкнот, перетянутых резиновыми кольцами. Фигура смирила деда, протянувшего руку за подаванием, надменным взглядом и неспешно исчезла в сумерках.

Впору было заплакать, но – хвала небесам – на мостовой показался человек с четками в руках.

«Никак монах», – подумал дед Серафим и обрадовался. Чаял найти в монашеском сердце сочувствие, но уперся лишь в бесконечные стеллажи со свитками предписаний. Благообразный человек с недовольством покосился на старца. «Что за городской сумасшедший, – прикидывал он, – надел тулуп поверх рюкзака, всклокоченный, небритый. Не пьяница ли? Дам такому денег – пропьет. А я расхлебывай потом плохую карму». И человек попятился от деда.

– Куда же ты, сын мой? – прошептал дед Серафим вслед удаляющемуся человеку.

До полуночи оставалось четверть часа. Старец осел на тротуар, устало закрыл глаза. Что ж, придется погостить здесь до следующих Святков – терпеть унижения от людей, отбиваться от чертиков. Дед Серафим не сразу заметил, как кто-то мягко, но настойчиво теревит его за плечо. Дед размахнул веки и увидел перед собой маленького мальчика, протягивающего монетку, – тот, видно, убежал вперед по тротуару, оставив родителей позади: издали доносились голоса, зовущие малыша обратно.

– 3-3-3-здравствуйте! Возьми-и-и-ите, па-па-пажалуйста, – сказал мальчик, краснея.

Его горячее сердце пылало, ждало, примет ли странный старичок подношение.

Дед Серафим крепко обнял мальчика, незаметно перекрестил, подмигнул на прощание.

Мгновение спустя старец стоял в заснеженном сквере – над головой еле теплился огонек засыпающего фонаря. Дед Серафим скинул тулуп, под которым оказались большие белые крылья, разжал ладонь с монеткой и растворился в световом конусе.

А мальчик, пожалевший заплутавшего ангела, наутро перестал заикаться.

2.

По мостовой шла девушка. Мимо проносились экипажи, пробегали посыльные и мальчишки с газетами. Город погрузился в предрождественскую суету – рестораны открыли двери настежь, словно призывая откусать изысканные яства, коробейники норовили подсунуть поздравительную открытку или сахарного петушка. Девушка ничего этого не замечала – что-то очень сильно ее тревожило.

На левом плече путницы сидел черт – уверенный в себе господин в модном костюме, лаковых штиблетах и с нафабранными усами. Никто бы и не подумал, что это служитель преисподней, если бы не крохотные рога, видневшиеся поверх черных приглаженных волос.

– Ступай смело, – шептал девице на ухо черт, – тут даже думать не о чем! Все решено!

– И вовсе не решено, – возразил бесу ангел, приуливающий на правом плече девушки. Ангел был светел, почти прозрачен; за хрупкими плечиками виднелись два белоснежных крыла.

– Ну, хорошо-с, – принялся рассуждать черт, – что мы имеем-с? Перво-наперво, папенька с маменькой не обрадуются, ежели узнают. Папеньку удар хватит, а маменька слезы в три ручья станет лить. Еще бы – какой конфуз, какой позор!..

Услышав нечистого, девушка ускорила шаг – право же, о чем раздумывать? Совсем скоро она доберется до переулка, где живет старая докторша, примет микстуру, и все решится само собой.

– Не слушай, – тут же обратился к девушке ангел, – и вовсе не такие папенька с маменькой. Узнают – подсобят. И замуж выдать не откажутся.

– Позвольте-с, – ухмыльнулся черт, – за кого же замуж выдавать? Ваш кавалер еще третьего дня получил записочку, а до сих пор не явился – неужто в преисподнюю провалился?

Девушка чуть не заплакала, но сбавлять шаг не стала – чем быстрее она дойдет до старухи-знахарки, тем скорее завершится этот бессмысленный спор в ее голове.

Ангел, прочитавший мысли путницы, еле заметно взмахнул крылами – девушка завернула за угол и увидела двух прелестных детей, мальчика и девочку. Оба были ряженые – на девочке был большой пестрый платок, накинутый поверх тулупчика, мальчик же пытался совладать со скomorошьей шапкой – та так и норовила съехать на лоб. Завидев девицу, раздурявшиеся на морозе малыши улыбнулись и запели рождественские колядки. Тоненьким голосам вторили крошечные бубенцы на шапке мальчика. У девушки внезапно потеплело на сердце – она вручила каждому певчому по двугривенному и невольно залюбовалась детьми. Идти к старухе уже не хотелось. А вдруг и у нее родится вот такой же мальчик? Или такая же девочка?..

Черт, услышав мысли девушки, скривился, лениво поднял руку и шелкнул пальцами. В ту же секунду мальчик и девочка переменялись – исчезли веселая шапка с позвякивающими бубенцами и нарядный платок, пропал игравший на щеках румянец, завяли улыбки. Теперь перед девушкой стояли два жалких, дрожащих на холоде существа – в их глазах не было ничего, кроме невыносимой муки и мыслей о хлебе насущном. Какой-то сердобольный прохожий кинул бедным детям краюху хлеба – они набросились

на кусочек как волчата, каждый силился откусить побольше.

– Да-с, – заметил бес, – детей надобно заводить при муже, при достатке-с. И даже тогда черт знает что из них вырастет.

Девушка опустила глаза и поспешила прочь – что ж она стоит на одном месте? Знахарка, наверное, задалась. А насчет детей – все верно, еще не время, успеется.

Вот и до старухино дома уже рукой подать. Осталось пересечь торговые ряды и свернуть в переулок. Путница двинулась вдоль украшенных к Рождеству прилавков и витрин магазинов.

Ангел тихонечко подул в сторону одной из витрин, и девушке вдруг очень захотелось посмотреть, что за товар купец разложил за сверкающим стеклом. Она подошла ближе и ахнула: в углу витрины покачивалась деревянная лошадка, далее слева направо были разложены детские вещи – кружевное платьице и костюмчик матроса, чепцы с атласными лентами и туфельки с перепонкой, плюшевые мишки и фарфоровые куклы, в противоположном углу витрины стояла детская коляска. Девушка невольно представила себя с ребенком на руках – ей захотелось зайти в магазин и непременно что-нибудь купить.

Сделать этого она не успела – бес достал из кармана сюртука портсигар, вынул папиросу, закурил и принялся пускать в сторону витрины колечки дыма. В то же мгновение витрина преобразилась: теперь здесь были вешалки с дамскими нарядами – такие девушка видела только в журналах мод. Между вешалками были красиво разложены перчатки, ожерелья, ридикюли, шляпки и веера...

– Ну-с, – шепнул черт, – что лучше – стать мамашей на горе опозоренным родителям или жить в свое удовольствие, сохранив честное имя? А как же молодость? Как же фигура-с?

Девушка разозлилась на себя – к чему эти терзания? Довольно! Раз решила – так надо идти. До дома знахарки оставалось каких-нибудь полквартила. Путница пошла быстрым шагом – к черту все сомнения!

Ангел принялся что-то нашептывать девушке на ухо, умолял, срывался на крик, но все было напрасно. Тогда крылатый посланник закрыл лицо руками и заплакал.

Девушка уже достигла конца торговых рядов – оставалось только завернуть в нужный переулок и отыскать старухин дом...

О! Надо же – кто-то соорудил на перекрестке рождественский вертеп. Странно, что никто из про-

хожих им не интересовался, словно тот был невидимым. Девушка тоже хотела пройти мимо, но все-таки решила подойти поближе. Фигуры внутри вертепа были выполнены в натуральную величину. Черт ухмыльнулся – кого могут растрогать деревянные истуканы? Ангел наблюдал за происходящим, затавив дыхание. Девушка приблизилась к фигурам. Вот Мария – молодая женщина, закутанная в покрывало, а вот Иосиф – муж Марии, вифлеемский плотник. Оба склонились над новорожденным сыном. Путница подошла еще ближе, чтобы рассмотреть фигурку младенца. Заглянула в соломенную колыбель и столкнулась с внимательным взглядом больших карих глаз – в яслях лежал живой ребенок. Девушка не могла оторваться от новорожденного – а тот продолжал смотреть на нее лучистым, исполненным любви взглядом. Это были глаза Спасителя. Неизвестно, сколько времени прошло – девушка так бы и стояла у колыбели, если бы чудесное видение вдруг не рассеялось, как мираж. Только в воздухе остался едва уловимый запах сена.

Путница улыбнулась и пошла прочь. Ни к какой знахарке она не пойдет. Пора домой – папенька с маменькой наверняка уже накрыли ужин к сочельнику.

Черт, услышав мысли девушки, тотчас же исчез – как будто его никогда и не было. Ангел возликовал – достал из-под крыла серебряную дудочку и принялся играть. Всю дорогу путнице казалось, будто рядом кто-то наигрывает волшебную мелодию.

А по возвращении домой девушку у парадного поджидал помянутый чертом кавалер. В руках он сжимал бархатный футляр с обручальным колечком – ему непременно хотелось сделать невесте предложение сюрпризом, в канун Рождества.

